
Глава 46. Прощание с поместьем У

Чжун Цай лежал на кровати, уставившись в потолок. Сон не шёл.

У Шаоцянь, лежавший рядом, легонько коснулся его плеча и тихо позвал:

— А-Цай?

Цай перевернулся на бок, оказавшись лицом к лицу с мужем. Взгляд Шаоцяня был полон нежности.

Глядя на это знакомое, до ослепительности красивое лицо, Чжун Цай лишь сильнее нахмурился — было ясно, что он не в духе.

Шаоцянь негромко рассмеялся:

— Неужели я настолько подурнел, что на меня больно смотреть?

Чжун Цай лишь раздражённо закатил глаза.

Тогда Шаоцянь спросил уже серьёзнее:

— Всё ещё думаешь о Дунсяо?

Цай замялся, но покачал головой:

— Не только о нём.

Шаоцянь затих, приготовившись слушать.

— Я ведь почти не знаю этого мальчишку, — признался Чжун Цай. — У тебя племянников — целый выводок, да и с братом ты не в ладах. Ну, посочувствовал я мелкому, дал пилюль, чтобы раны затянулись... Неужели из-за этого я бы глаз не смыкал?

Шаоцянь мягко улыбнулся и коснулся пальцами межбровья мужа, разглаживая морщинку.

— Значит, ты переживаешь из-за меня, — уверенно произнёс он.

Чжун Цай вздохнул, решив не лукавить:

— Глядя на то, как помыкают этим ребёнком, я невольно вспомнил тебя. Когда ты лишился сил, тебя точно так же швырнули в захудалый дворик. Все отвернулись, никто и слова доброго не сказал.

Цай заговорил тише, почти шепотом:

— Я вот думаю... если бы при моём рождении что-то пошло не так и я бы не выжил, кого бы семья Чжун прислала тебе вместо меня? Ты ведь был так слаб. И если бы этот «заменитель» оказался равнодушным или злобным, что бы с тобой стало?

— Раньше мне такие мысли и в голову не приходили, — продолжал он, — но твой племянник... Он ведь только-только потерял всё, он ещё совсем дитя, а его уже травят как зверя. И ведь твой брат с невесткой наверняка всё знают, просто им плевать.

Шаоцянь молча смотрел на него.

— Если бы Плод Укрепления Души не помог, если бы твои родители махнули на тебя рукой... Неужели ты в том лесу терпел бы те же унижения, что и этот малец?

Шаоцянь вдруг снова улыбнулся. Цай вспыхнул:

— Тебе ещё и смешно?!

— Просто мне приятно, что А-Цай так заботится обо мне, — ответил Шаоцянь.

Гнев Цая немного утих.

Шаоцянь сжал его запястье, стараясь успокоить:

— У меня всегда был Сян Линь, да и мощь пика Сферы Небесного Притяжения оставалась при мне. Дунсяо — другое дело. Он не может использовать ни капли таинственной энергии, иначе эти ничтожества не посмели бы и пальцем его тронуть.

— А ты уверен, что семья не заставила бы тебя передать право на Сян Линя кому-то другому? — угрюмо спросил Цай. — И сколько раз ты смог бы использовать свою силу, если

восстанавливать её приходилось бы только Пилюлями Восполнения Ци?

Шаоцянь на мгновение задумался, но голос его остался спокойным:

— Если бы на меня надавили, требуя отпустить Сян Линя... возможно, я бы согласился.

Чжун Цай фыркнул:

— Так я и знал. Решил бы, что всё равно долго не протянешь, и не захотел бы портить жизнь верному стражу.

Шаоцянь невольно усмехнулся. Не расти он вместе с А-Цаем, вряд ли в его сердце нашлось бы место для таких чувств к слуге. Лежа тогда на кровати, думал бы он о благополучии Сян Линя? Скорее всего, его душа была бы полна лишь холодного отчаяния.

— Но если бы кто-то посмел переступить порог моего двора с дурными намерениями, — добавил Шаоцянь, — я бы убивал.

Чжун Цай замер. Шаоцянь приобнял его, коснувшись лбом его лба.

— Тот, кто решился бы на такое, был бы в Сфере Небесного Притяжения или, в лучшем случае, на первых ступенях Сферы Открытия Дворца. Иначе зачем бы ему тратить время на калеку? Я когда-то достиг Сферы Освящения. Каким бы ни был их ранг, я бы просто резал их одного за другим. Несколько трупов — и желающих поубавилось бы.

— Но твоя душа... — засомневался Цай.

— Смерть врага она бы мне точно не помешала обеспечить, — отрезал Шаоцянь.

Чжун Цай облегченно выдохнул.

«Даже в той истории, — мысленно произнёс он, — без меня. Хорошо, что ты не познал подобного позора».

Шаоцянь лишь улыбнулся в ответ. С его гордостью он скорее бы уничтожил и себя, и врагов, чем стал бы терпеть издевательства. Те, кто принёс бы ему боль, пожалели бы об этом стократно. В крайнем случае, он просто взорвал бы свой Дворец Дао, забирая всех обидчиков с собой в могилу.

Напряжение спало, и к Чжун Цаю вернулось привычное любопытство.

— Как думаешь, когда нам лучше убраться отсюда?

Шаоцянь вдруг предостерегающе коснулся его плеча.

— Что такое? — прошептал Цай.

— Сян Линь вернулся.

— Так быстро? — изумился Цай. — Ты ведь только отправил его на разведку.

Шаоцянь кивнул:

— Позволить ему доложить сейчас или дождемся утра?

— Всё равно не сплю, — Чжун Цай нахмурился. — Да и вряд ли он вернулся бы так скоро, не будь там чего-то важного.

У Шаоцянь накинул верхнюю одежду сам и бросил халат мужу. Когда они оделись, он негромко произнёс:

— Входи.

Сян Линь бесшумно возник в комнате и склонился в поклоне.

— Что случилось? — сразу спросил Цай.

— Чтобы не привлекать внимания стражей молодого господина Шаошаня, я не стал входить во внутренние покои, — доложил Сян Линь. — Сначала я заглянул в дом У Дунхуна. Он как раз вызвал сыновей в кабинет для наставлений.

— И что же он им наставлял? — полюбопытствовал Цай.

— Велел им не шуметь слишком сильно во время «забав», чтобы не привлекать внимания посторонних и не создавать проблем, — бесстрастно ответил страж.

Чжун Цай на мгновение лишился дара речи.

— И это всё?

Сян Линь кратко подытожил увиденное:

— Судя по всему, Шаошань вызвал Дунхуна к себе и выразил недовольство тем, что сегодня двое почтенных гостей стали свидетелями безобразия и даже пришли с жалобой. Он велел Дунхуну приструнить сыновей — мол, играйте сколько влезет, но хлопот не доставляйте.

Чжун Цай лишь молча сжал кулаки.

— Хотя сыновей и пожурили, те заявили, что лишь хотели выплеснуть гнев за отца, — продолжал Сян Линь. — У Дунхун не выглядел рассерженным, скорее наоборот — в его взгляде читалось одобрение.

Цай глубоко вздохнул, сдерживая ругательства.

— После этого, — добавил страж, — я пробрался ко второму двору, в комнату маленького господина Дунсяо. Там пахло свежей кровью, и он был не один. Ся Цзян лежал на полу, весь израненный, без какой-либо помощи. Мальчик к тому времени пришел в себя, его собственные раны почти затянулись благодаря вашим пилюлям, и он пытался обмыть раны стража.

Голос Сян Линя стал холоднее:

— Позже той же ночью те двое снова пришли в комнату Дунсяо. Они палками перебили ему обе ноги. Ся Цзян, едва придя в сознание, попытался защитить его, но лишь получил новые увечья и теперь находится при смерти. Племянники решили, что страж испустил дух, и ушли. После этого я немедленно вернулся.

Чжун Цай опешил:

— Ся Цзян... это тот страж У Шаоаня? Тот мерзавец бросил своего человека подыхать и даже не помог? Но как он оказался у Дунсяо?

— Я почувствовал связь, — ответил Сян Линь. — Контракт смерти Ся Цзяна теперь привязан к маленькому господину Дунсяо.

Чжун Цай только глазами захлопал.

— Это ещё что значит?

— Утилизация отходов, — холодно отозвался У Шаоцянь.

Цай посмотрел на мужа, и тот пояснил с горькой усмешкой:

— Ты ведь знаешь законы рода. Любой отпрыск семьи У, пробудил он Тайную Сокровищницу или нет, обязан получить стража до двадцати лет. Жизнь такого воина полностью в руках господина. Ся Цзян потерял эссенцию крови и был тяжело ранен. Чтобы поставить его на ноги, потребуются тысячи золотых и месяцы кропотливого ухода.

— И семья решила, что проще «сбагрить» калеку калеке! — Чжун Цай тоже не сдержал злой усмешки. — Так они соблюли букву закона, выдав Дунсяо стража, и освободили место рядом с Шаоанем. Теперь тот сможет взять себе нового, сильного воина, не тратясь на лечение старика.

У Шаоцянь молча кивнул.

— У Шаоань... ну и расчетливая же он тварь! — выдохнул Цай. — Но как семья могла на это пойти? И я всё не пойму: если против него был почти весь совет старейшин, как один человек смог всех переубедить?

Шаоцянь решил, что пришло время объяснить мужу тонкости семейной политики:

— У каждого из наших прародителей есть своя прямая ветвь, и в каждой — по два старейшины Сферы Подвешенного Сияния. Несмотря на недовольство остальных домов, реальная власть сосредоточена в руках этой четверки.

— Линия прародительницы У Байфэн включает первый, пятый и седьмой дома. В пятом нет старейшин своего ранга, в седьмом старейшина слишком молод и не имеет веса. Единственная, кто мог бы возразить — старейшина У Лояо из первого дома. Но в этом доме была и другая женщина, которая удачно вышла замуж за главу крупного клана, и теперь первый дом под защитой великой силы. Поступки Шаоаня им неприятны, но они не боятся последствий. Если им предложили достойную компенсацию, У Лояо легко согласилась закрыть на всё глаза.

— Что до нашей линии, линии прародителя У Юаньсяо... У Цзунхань был против У Цзытао. Оба на пике Сферы Подвешенного Сияния, но Цзытао на сто лет моложе, а значит — сильнее и перспективнее. В итоге голос Цзунханя просто проигнорировали.

Чжун Цай начал понимать, как устроена эта машина.

— Восьмой дом нанёс удар девятому, — продолжал Шаоцянь. — Для девятого дома это тяжелая потеря, но у них всё ещё есть У Шаошань с его земным рангом. Мои родители всегда руководствовались лишь выгодой. Когда восьмой дом предложил горы ресурсов, отец и мать просто приняли увечье Дунсяо как свершившийся факт и снова выбрали золото.

Чжун Цай шумно выдохнул, пытаясь подобрать слова, чтобы описать родителей Шаоцяня, но в итоге лишь махнул рукой:

— Плевать. Всё равно мы скоро уедем.

Шаоцянь ласково потрепал его по волосам. Цай потрянул головой, взглянул на Сян Линя и, достав флакон с пилюлями, бросил его стражу.

— Сходи ещё раз. Скорми это Ся Цзяну. — Затем бросил второй флакон: — А это — мелкому.

Сян Линь кивнул и исчез в ночи. Цай снова вздохнул и повалился на кровать.

— В этом доме у мальчишки нет будущего. — Он резко приподнялся, кипя от гнева: — Твой братец с невесткой совсем страх потеряли! Ты мастер Сферы Освящения, а эти ничтожества смеют так нагло игнорировать твои слова?

Шаоцянь лег рядом и притянул его к себе:

— Не злись, А-Цай. Я тоже не считаю их за людей.

Цай снова закатил глаза.

— Когда мы будем уезжать, — мягко произнёс Шаоцянь, — мы заберем Дунсяо с собой.

Чжун Цай замер и недоверчиво посмотрел на мужа:

— Неужели ты так привязался к этому сорванцу?

— Нет, — Шаоцянь встретил его взгляд. — Просто я вижу, что ты не находишь себе места.

Чжун Цай смутился. Он и вправду не мог бросить ребенка на растерзание, хоть они и не были близки. Пилюли для Ся Цзяна он передал лишь в надежде, что если они оставят мальчика здесь, у того будет хоть тень шанса выжить.

— А что мы скажем твоему брату?

— Они не сочли нужным считаться со мной, — спокойно ответил Шаоцянь. — Значит, и мне незачем блюсти их достоинство.

Цай просиял, и в его глазах снова заплескали искры.

— Ты прав, Шаоцзянь! Раз они ведут себя как звери, почему ты, его дядя, не можешь проявить милосердие? Да они и пикнуть не посмеют — побоятся позора.

Шаоцзянь лишь тонко улыбнулся.

У Дунсяо лежал на холодном полу, бледный как полотно. Рядом, в луже собственной крови, недвижим был Ся Цзян, больше похожий на труп, чем на живого человека.

Мальчик не ожидал, что, когда его будут унижать и ломать ему кости, когда он не сможет даже закрыться от ударов, Ся Цзян из последних сил прикроет его своим телом.

Ся Цзян был стражем У Шаоаня. Дунсяо раньше дружил с Шаоанем, поэтому хорошо его знал. Когда мужчину бросили в его каморку и мальчик почувствовал, что контракт стража теперь принадлежит ему, в его душе не было ничего, кроме ярости. Все эти дни, раз за разом прокручивая в голове события прошлого, Дунсяо учился видеть правду. Он быстро разгадал план Шаоаня.

Но он был слишком мал и слаб. Чтобы просто дышать, ему требовались все силы мира, он не мог разогнать сгущающиеся над ним тени. К Ся Цзяну он не питал симпатии. Разум говорил ему, что страж лишь исполнял приказы. Но ведь именно Ся Цзян приносил отравленные дары, именно его кровь стала катализатором проклятия... Как было не ненавидеть его?

И вот теперь...

Ся Цзян, брошенный своим господином, с раздробленной грудью — Шаоань прикрылся им как щитом... Вторую неделю он умирал без лечения, угасая на глазах. Лицо и шея покрылись коркой запекшейся крови, черные волосы поседели, а сам он за эти дни постарел на десятки лет. От него исходил невыносимый запах крови был невыносимо резким, а в ранах копошились черви...

Дунсяо поджал губы. Глядя на эти мучения, он вдруг понял, что ненависть угасла. Чтобы хоть немного очистить воздух в комнате перед сном, мальчик, преодолевая брезгливость, всё же обмыл раны стража. Ся Цзян едва приоткрыл глаза и посмотрел на него. В этом взгляде не было ничего, кроме жгучего раскаяния.

А потом пришли У Наньфан и его брат.

На этот раз Дунсяо мучили в четырех стенах, и не было никого, кто мог бы прервать эту «игру». Под градом оскорблений мальчик понял: мастер Чжун не просто исцелил его днем, но и его дядя, Шаоцзянь, лично заходил к родителям, прося их утихомирить сыновей.

Но родители и ухом не повели.

Братья измывались над ним всю ночь, выплескивая яд в словах и дробя его кости. Теперь, когда его ноги были сломаны, он не смог бы выйти наружу, и никто не узнал бы об их жестокости. Честь семьи была спасена.

В тот миг, когда хрустнули его кости, Дунсяо охватило отчаяние. Он решил, что умрёт здесь, в этой камерке, рядом с телом Ся Цзяна. И именно тогда страж, шатаясь, поднялся и закрыл его собой. Братья лишь с удвоенной яростью принялись избивать мужчину, пока тот не рухнул, захлебываясь кровью. Лишь когда он перестал шевелиться, они, довольные, ушли.

Дунсяо смотрел на Ся Цзяна, и в его душе всё перевернулось. Мужчина мог просто лежать, у него не было сил даже на вдох, не то что на защиту. Этот поступок лишь приблизил его смерть, ведь братья не собирались убивать Дунсяо сразу. Но Ся Цзян сделал это.

Мальчик коснулся запястья мужчины — пульса почти не было. В этот миг остатки вражды окончательно покинули его сердце. Ся Цзян был лишь инструментом, у него не было выбора.

«Если он выживет... — подумал Дунсяо, — если он выкарабкается, я буду звать его дядей Ся».

В окне мелькнула тень. Дунсяо вздрогнул. Дверь бесшумно приоткрылась и тут же заперлась. Мальчик узнал вошедшего и с облегчением выдохнул. Это был Сян Линь. Тот самый человек, что днем принес его сюда на руках.

— Молодой господин и мастер Чжун беспокоятся, — коротко бросил Сян Линь. — Велели проверить, как ты.

Он достал два флакона и поочередно влил снадобья в глотки Ся Цзяна и Дунсяо. Мальчик почувствовал, как в местах переломов вспыхнула жаркая, пульсирующая боль, но вслед за ней пришло исцеление. Кости срастались.

Пульс Ся Цзяна стал ровным и сильным. Кровь снова прилила к его лицу, а ввалившаяся грудь начала расправляться под действием энергии, которую вливал в него Сян Линь.

Дунсяо до боли закусил губу, сдерживая слезы. Он и представить не мог, что дядя и мастер Чжун, видевшие его лишь раз, не просто спасли его, но и продолжают оберегать.

— Передай мою благодарность дяде и мастеру Чжуну, — прошептал он.

Сян Линь кивнул, подхватил Ся Цзяна и переложил на кровать, а самого Дунсяо устроил на

маленькой кушетке. Затем он исчез так же внезапно и бесшумно, как и появился. У Дунсяо защипало в носу, и он закрыл глаза.

Теперь он точно будет жить. Он и дядя Ся. Они выкарабкаются, чего бы это ни стоило.

Чжун Цай был сыт по горло семейством У. Ему хотелось покинуть это место немедленно, но похищать ребенка среди бела дня было неразумно. Они решили дождаться следующей ночи.

Сначала Цай отправил Сян Линя узнать мнение самого Дунсяо. Реши тот остаться — они бы не стали настаивать. Но мальчик, будучи не по годам смысленным, согласился без колебаний. Он считал их доброту лишь мимолетной жалостью, принимал её с благодарностью, но не смел просить о большем. И когда дядья предложили забрать его с собой... Он понял: это его единственный шанс на спасение.

Глубокая ночь.

Сян Линь вынес Дунсяо на руках. Окрепший Ся Цзян следовал за ними тенью. Благодаря Пилюле Облачного Гриба его раны затянулись, и хоть силы ещё не полностью вернулись к нему, он был в полном сознании. Мужчина до сих пор не мог поверить, что остался жив.

Несмотря на статус стража, он не был безмозглой куклой. Ся Цзян был образован и имел свои взгляды на жизнь. Имей он выбор, он никогда не пошел бы на службу к У Шаоанню. Тот лишь срывал на нем злость, никогда не поощрял и наказывал за малейшую провинность. Ся Цзян терпел, но в его душе не было ни капли верности к господину.

Когда Шаоань велел ему носить дары Дунсяо, Ся Цзян почуял неладное, но видя молчание главы семьи, решил, что это лишь способ переманить талантливого мальчика на свою сторону. С Шаоанем нельзя было дружить — его зависть не знала границ. К тем, кто был талантливее, он не испытывал ничего, кроме ненависти.

Когда Шаоань потребовал эссенцию крови, Ся Цзян подчинился лишь из-за магического контракта. Он привык к побоям и унижениям за то, что его талант уступал таланту Сян Линя. И то, что Шаоань прикрылся им от удара, не стало для него сюрпризом. Лишь позже он осознал всю глубину подлости своего господина, использовавшего доверие ребенка для отравления.

Потом Шаоаня увлекли в темницу, а его, умирающего, бросили в каморку. Мысли путались, сознание угасало, пока он не почувствовал, что контракт передан. И даже на пороге смерти Ся Цзян ощутил странную радость: лучше было умереть рядом с Дунсяо, чем продолжать служить

Шаоаню. Глядя на страдания мальчика, он чувствовал лишь жгучую вину и был готов отдать последние крохи жизни, чтобы защитить его.

После пробуждения между ними состоялся честный разговор. Дунсяо теперь знал всё. Когда Сян Линь спросил о его решении, Ся Цзян лишь склонил голову, принимая любой выбор мальчика. Реши тот остаться — страж до конца оберегал бы его.

Вскоре они встретились с Чжун Цаем и У Шаоцянем. Сян Линь передал ребенка на спину Ся Цзяну и укрыл их широким плащом. Чжун Цай и Шаоцянь шли впереди, следом за ними двигались страж, Ся Цзян и верный Чжун Да. Замыкали шествие Би Цэнь и Цяо Хун.

У боковых ворот Цай ожидал заминки, но стражник, узнав Шаоцяня, лишь молча поклонился и пропустил их. Они покинули поместье без единого слова. У ворот их ждал простой экипаж. Сев в него, они поспешно выехали из города, а за городскими стенами Шаоцянь призвал свою летящую лодку.

На борту летящей лодки слуги занялись своими делами, а Шаоцянь и Цай устроились на мягких сиденьях. Дунсяо и Ся Цзян замерли напротив, не смея поднять глаз.

Наконец, в тишине прозвучал голос Дунсяо. Он без колебаний опустился на колени и низко поклонился:

— Племянник благодарит дядюшек за спасение! Клянусь, если судьба позволит, я верну этот долг стократно!

Чжун Цай с интересом рассматривал мальчика. Тот сидел прямо, в его взгляде чувствовалась твердость. Хоть он и был слишком худ для своих лет, в нем уже проглядывал характер будущего воина.

— За спасение — это само собой, — усмехнулся Цай, подпирая подбородок ладонью. — Но ведь мы и дальше будем тебя кормить и одевать. За это тоже планируешь расплачиваться?

Дунсяо ни на миг не задумался:

— Обязательно.

— И как же? — прищурился Цай.

Мальчик замялся. И вправду, чем он мог отплатить? Все его сокровища отобрали, в каморке не было ничего ценного, он ушел нищим. У Ся Цзяна и вовсе была лишь та одежда, что на плечах.

Но ум Дунсяо работал быстро:

— Как только дядя Ся окрепнет, мы пойдем в горы. Он будет охотиться, а я — собирать травы!

В его глазах вспыхнул азарт. Пусть он не мог использовать магию, его тело всё ещё было крепким. Он мог выучить боевые искусства, не требующие духовной энергии. Охота на слабых зверей первого ранга была ему вполне по силам.

Цай переглянулся с Шаоцянем. Тот едва заметно кивнул.

— Хорошо, — произнёс Чжун Цай. — Мы возвращаемся в город Цяньцяо. Там мы тебя и устроим. У тебя есть два пути.

Дунсяо приготовился слушать.

— Путь первый: вы с Ся Цзяном живете в нашем внешнем дворе. Но места там мало, придется делить одну комнату.

Мальчик кивнул — крыша над головой была для него пределом мечтаний.

— Путь второй: мы с Шаоцянем купим вам отдельный домик по соседству. Я буду присылать вам еду и выплачивать небольшое пособие каждый месяц. Как вы будете жить — решать вам. Если случится беда, с которой не справитесь — ищите Сян Линя.

— Я выбираю второй путь! — выпалил Дунсяо.

— По рукам, — легко согласился Цай.

— Я всё запишу, — твердо пообещал мальчик. — Все пилюли, что вы дали нам с дядей Ся, стоимость дома и еды... Я всё верну, до последнего медяка.

Чжун Цай не стал спорить:

— Ловлю на слове.

Лишь в этот момент Дунсяо по-настоящему расслабился. Он понимал доброту дядьев, но полная зависимость тяготила бы его сердце. Теперь же у него была цель. Он знал, что делать, чтобы не просто выжить, а вернуть себе достоинство.

Летающая лодка была стремительна. Через два дня они достигли Цяньцяо. Оставив судно за городской чертой, они пересели в повозку. Дунсяо не отрывался от окна, с жадным интересом рассматривая незнакомый городок.

Вскоре они прибыли к дому Чжун Цая и Шаоцяня. Пока подыскивали жилье для мальчика, его временно поселили во внешнем дворе вместе с Ся Цзяном. Цяо Хун и Би Цэнь быстро устроили их быт.

Комната была небольшой, но светлой и чистой. Дунсяо сидел на краю кровати, оглядываясь. Это место не шло ни в какое сравнение с его прежними роскошными покоем, но оно было в сотни раз лучше той темной каморки. Здесь не было теней прошлого.

Ся Цзян молча стоял рядом. Дунсяо поднял взгляд на его изможденное лицо и тихо произнёс:

— Дядя Ся, мы в безопасности.

Мужчина мягко посмотрел на него.

— Да, маленький господин. Теперь я смогу защитить тебя.

Дунсяо впервые за долгое время улыбнулся — по-настоящему. Последний месяц казался кошмаром, но теперь он закончился. Он стал обычным человеком, и это было не так уж плохо.

Чжун Цай и У Шаоцянь вернулись в свои покои и, не сговариваясь, рухнули в удобные кресла.

— И зачем ты заставил его отдавать долги? — с улыбкой спросил Шаоцянь.

Цай весело прищурился:

— Да много ли с него возьмешь? Просто я видел, как ему важно не чувствовать себя обузой. Пусть старается, ему это на пользу.

Улыбка Шаоцяня стала теплее.

— Знаешь, — задумчиво добавил Цай, — у этого мальчишки глубокая рана в душе. И имя ей — У Шаоань. Тот мерзавец осыпал его подарками лишь для того, чтобы предать. Теперь Дунсяо во всем будет искать подвох. Поэтому четкий расчет его успоил. Если он когда-нибудь и впрямь

разбогатеет — что ж, мы примем его золото.

Шаоцянь согласно кивнул. Супруги переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Что до его яда... — Шаоцянь вопросительно выгнул бровь. — Есть планы?

Чжун Цай закинул руки за голову, растянувшись в кресле:

— Пусть полагается на свою удачу. Если в моих слепых коробках найдется лекарство — значит, судьба. Исцелится и пойдет своей дорогой. А если нет... выращу его до совершеннолетия. Парень он крепкий, руки-ноги на месте, не пропадет.

— А если нам придется уехать раньше, чем он повзрослеет? — не унимался Шаоцянь. — Возьмем его с собой?

Цай покосился на мужа:

— По обстоятельствам. Если просто отправимся мир повидать — оставим здесь, попросим Хуан Цина присмотреть. А если придется бежать, спасая шкуры — конечно, заберем. Иначе его тут же прихлопнут.

— Хотя таскать его за собой вечно тоже не дело. Оторвемся от погони, найдем безопасное место — там и оставим вместе с Ся Цзяном. Тот человек опытный, вырастит парня.

Шаоцянь прикрыл глаза:

— Хороший план, А-Цай.

Чжун Цай присмотрелся к мужу, припомнил его расспросы и вдруг, придвинувшись ближе, прошептал:

— Шаоцянь, ты ведь обычно так не допытываешься... Признавайся, неужели ты приревновал к этому мелкому?

Шаоцянь осекся:

— Приревновал?

Цай звонко расхохотался:

— Неужели ты думал, что я из-за него про тебя забуду? Глупенький! Он — просто случайный найденыш, а тебя-то я выбирал сам, со всей тщательностью!

— Я так не думаю, — попытался возразить Шаоцянь.

Чжун Цай недоверчиво прищурился.

— Правда не думаю, что ты про меня забудешь, — настоял муж.

— Ну, раз говоришь — поверю, — нарочито небрежно бросил Цай.

У Шаоцянь лишь вздохнул. Он и сам не знал, почему задавал эти вопросы. Слова просто срывались с губ.

<http://bllate.org/book/15860/1442926>